

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И Г.В.Ф. ГЕГЕЛЬ: ПРОБЛЕМА МЕТОДА В ФИЛОСОФИИ

Тилинина Татьяна Валентиновна, доктор философских наук, профессор, Кубанский Государственный университет, Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, E-mail: tilinina131@mail.ru

В статье рассматривается не только развитие Н. Г. Чернышевским материализма в философском и научном познании, но и принятие великим русским мыслителем гегелевской диалектики. Н. Г. Чернышевский одним из первых не только в России, но и в Европе понимает важность и значимость диалектического метода для развития научного познания, подчеркивает необходимость его применения во всех сферах духовной жизни. Диалектика оказывается ключевым способом достижения истинного знания и способствует его практическому использованию. Н. Г. Чернышевский изучает практику как философскую категорию, как критерий истинности знания, как конечную цель применения науки. В статье подчеркивается незаслуженное забвение со стороны историков философии достижений великого русского мыслителя, который во многом оказался предтечей марксистской философии и материалистической диалектики.

Ключевые слова: Чернышевский, Гегель, материализм, идеализм, диалектика, наука, научные познания, научный метод, истина, практика

N. G. CHERNYSHEVSKY AND G. V. F. HEGEL: PROBLEM OF METHOD IN PHILOSOPHY

Tilinina Tatyana V., D.Sc. (Philosophy), Professor, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350089, Russian Federation, E-mail: tilinina131@mail.ru

This article discusses not only the development of N. G. Chernyshevsky materialism in philosophical and scientific knowledge, but also the great Russian thinker of the Hegelian dialectic. N. G. Chernyshevsky was one of the first not only in Russia but also in Europe understand the importance and significance of the dialectical method for the development of scientific knowledge, and stresses the need for its use in all spheres of the spiritual life. Dialectic is a key way to achieve true knowledge and contributes to its practical use. N. G. Chernyshevsky examines the practice as a philosophical category, as the criterion of true knowledge, as the ultimate goal of science. The article highlights the undeserved neglect on the part of historians of philosophy of great Russian thinker who in many ways was the forerunner. Marxist philosophy and the materialist dialectic.

Keywords: Chernyshevsky, Hegel, materialism, idealism, dialectic, science, scientific method, scientific knowledge, truth, practice

Как известно, Н. Г. Чернышевский – «великий русский гегельянец и материалист» – уделял исключительное внимание проблемам *метода*, его роли в познании и «практическом деянии». Философ был убежден в том, что именно по причине неумения подвести все частные законы под один общий закон затрундится и затягивается всякое исследование как в естествознании, так и в нравственно-гуманитарных науках.

Преодолеть это неумение помог бы правильный метод, который позволил бы кратчайшим путем и с наименьшими затратами достигнуть истинного знания. Метод не должен затягивать отыскание истины, а выявлять ложь и показывать ее вредность. Метод и истина неразрывно связаны, более того, надобность в истине, полагает Чернышевский, возрастает все сильнее с каждым годом и никогда «не уйдет человек от истины», а значит от метода, которым она постигается.

Он подчеркивал важную роль для развития науки принципов, законов мышления. Последние, как он считал, имеют не только субъективное значение. Мыслительные образования отражают формы действительного существования предметов, вследствие чего они «совершенно сходятся», а не «различаются» с этими формами. Это положение является исходным для Чернышевского для анализа многообразных методологических проблем, которые он рассматривает в разных аспектах. Выделим некоторые из них.

1. Отношение к философии Гегеля и его диалектическому методу. Называя себя последователем Фейербаха, Н. Г. Чернышевский вместе с тем высоко ценил знаменитый диалектический метод мышления Гегеля, указывая на необычайную «изумительную силу» его гениальной диалектики. Он писал, что «трудно устоять против диалектики исполина немецкой философии, – этой изумительно сильной диалектики, облакающей всю его систему броней неразрушимого, по-видимому, единства...» [1, с. 293].

Он считал, что нельзя быть просвещенным человеком, не имея понятия о гегелевской диалектике, отмечал, что Гегель предпринял попытку вывести философию «из пыльного кабинета на форум жизни», хотя в итоге все же сам оказался «кабинетным ученым», «чуждым волнениям жизни». Но стремление поставить философию на службу «живым людям», чтобы они на ее основе могли «не только мыслить, но и действовать» – русский мыслитель считает большим достижением Гегеля.

Его «услуга науке» состояла, по мнению Чернышевского, в раскрытии общих форм и законов, по которым движется процесс развития. Русский философ полагает, что гегелевский тезис о взаимосвязи разумности и действительности выражает сущность, основу философии Гегеля, система которого «венчала долгое стремление ума к действительности».

Характеризуя знаменитый гегелевский диалектический метод мышления, Чернышевский указывает, что «сущность его состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд; таким образом, мыслитель был принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений» [1, с. 280].

«Бегло исчисляя» некоторые принципы гегелевской философии, Чернышевский называет прежде всего объективность – «чрезвычайное внимание к действительности», вместо субъективистского, произвольного ее толкования. Именно этот принцип в первую очередь позволил диалектическому методу Гегеля стать необходимым («предохранительным средством» против поползновений уклониться от истины в угождение личным желанием и предрассудкам).

Чернышевский указывает на важное требование гегелевского метода – необходимость «полного всестороннего исследования» с тем, чтобы составить «живое понятие» о всех действительных качествах предметов, а не только о некоторых из них. Русский мыслитель высоко оценивает методологический потенциал формулы Гегеля о том, что «отвлеченной истины нет, истина конкретна» и стремится развить это положение. «Спекулятивная философия есть сознание идеи, воспринимающее все как идею; идея же есть истинное в мысли, а не только в созерцании или в представлении. Точнее, истинное в мысли есть то, что конкретно, положено в себе как раздвоенное, причем таким образом, чтобы обе стороны раздвоенного образовали противоположные мыслительные определения, в качестве единства которых должна быть постигнута идея. Спекулятивно мыслить означает разложить (*auflosen*) действительное и противопоставить его себе таким образом, чтобы различия были противоположны друг другу по их мыслительным определениям, а предмет постигался как единство обоих. В созерцании мы постигаем предмет в его целостности, паша рефлексия же различает, постигает различные стороны предмета, познает в них многообразие и раздвояет их. Рефлексия не сохраняет единства различия, забывает то о целом, то о различиях; если же она сохраняет то и другое, она отделяет от предмета его свойства и полагает свойства и предмет таким образом, что их единство обнаруживается в чем-то третьем, отличающемся как от предмета, так и от его свойств» [3, с. 238].

Необходимым принципом философского мышления являются учет « всевозможных противоположных мнений», ибо в самой природе и общественной жизни «развиваются противоречия», закон причинности и некоторые другие.

Взятая в целом философия Гегеля (и ее суть – диалектический метод) отличалась «необыкновенною силою и возвышенностью мысли, покоряющей своему владычеству все области бытия, открывающей в каждой сфере жизни тождество законов природы и истории со своим собственным законом диалектического развития» [1, с. 281].

И хотя «гениальная диалектика Гегеля ослепила всех», она оказалась отнюдь не безгрешной. Указав на то, что гегелевская система навсегда сохранит историческое значение, «как переход от отвлеченной науки к науке жизни», Чернышевский вместе с тем подверг Гегеля критике за его ошибки. В частности за то, что он – то ли по своей натуре, то ли по расчету – облекал свои диалектические принципы в «консервативную одежду», когда рассматривал политические вопросы.

Указывая на двойственность системы Гегеля, на «разноречие» между ее принципами и ее выводами, русский мыслитель пишет: «Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы – узки и ничтожны: не смотря на всю колоссальность его гения, у великого мыслителя достало силы только на то, чтобы высказать общие идеи, но не достало уже силы неуклонно держаться этих оснований и логически развить из них все необходимые следствия» [1, с. 277].

Однако Чернышевский все же несколько «смягчает» гегелевские ошибки своим замечанием о том, что последние (как впрочем и ошибки Канта) «не имели важных последствий», между тем, как «здоровая часть его учения» (а это диалектика) действовала очень плодотворно.

2. Наука и ее методы. Н. Г. Чернышевский хорошо понимал великое значение научного знания для жизни людей. Он считал, что наука должна активно влиять на действительность, ее открытия и выводы должны приносить действительную пользу, улучшать не только понятия, но также нравы и жизнь людей. Русский философ называл науку чернорабочим, трудами которого живет все общество, все его сферы и области.

Чрезвычайную важность научных знаний в жизни и в истории он видел в том, что *эти знания лежат в основании всех понятий и потом – определяют все многообразие деятельности человека*. «Пусть политика и промышленность шумно движутся на первом плане в истории, история все-таки свидетельствует, что *знание – основная сила*, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное в человеческой жизни» [1, с. 330]. При этом наука должна не только рассуждать об отвлеченных теориях, но и иметь ввиду возможности использования этих теорий в современной действительности.

Подчеркивая, что «сила человека – разум» и им нельзя пренебрегать, ибо это ведет к бессилию, русский философ призывал действительных ученых (а не тех, кто только «обременяет науку», а потому «бесполезны и вредны во всех отношениях») к тому, чтобы они всемерно способствовали проникновению *результатов науки в жизнь всего народа и улучшению его жизни*.

Цель науки – не ставить себя выше действительности, а понять и объяснить ее, с тем, чтобы эти свои объяснения применить к благу человека. Реализуя эту цель, нужно стремиться – особенно в гуманитарных науках – *обеспечивать «живую связь общих начал науки с интересами дня»*. «Общие мысли» науки не могут замыкаться только на себя, а должны выйти во вне, получить «живой интерес» путем их приложения к текущим, *актуальным* проблемам современной действительности. Настоящий ученый не может ограничиваться чистой теорией, а должен «проводить ее в дело», «понимать условия практической жизни», *способствовать ее улучшению*.

Н. Г. Чернышевский утверждал, что *всякая система теоретических выводов порождается определенным временем и изменяется вместе с «понятием времени»*. Но в любом случае – коль скоро это «подлинная теоретическая наука», данная система должна всегда основываться на возможно более полном и точном исследовании фактов, «извлекая» из них понятия. Отсюда *первое правило* рассудительности, а тем более рассудительности на уровне научно-теоретического знания – *«принимать в соображение факты»*,

«смотреть на объективную действительность только как на материал, только как на поле своей деятельности, и, пользуясь ею, подчинить ее себе» [2, с. 42–43].

Важную роль в развитии науки играют метод и логика. Последнее говорит о «правилах осторожности», которые необходимо соблюдать во всех научных делах. Однако правилами логики также надо пользоваться умело и осторожно. В этой связи Чернышевский подвергает критике Д. Ст. Милля, ум которого, по его мнению, силен только в логическом развитии подробностей. Он превосходно разъясняет частные истины, но создать новую систему, дойти до проверки ее основных принципов и обобщить их он не в состоянии. У него нет силы отделить сущность новых мыслей от их полемической и декламаторской формы. Милль не одарен таким уметвенными силами, чтобы построить теорию. Он может только переписывать старую теорию, искажая при этом и определение и факты.

Вместе с тем Чернышевский указывает на «логическую силу» Милля по сравнению с экономистами – популяризаторами и компиляторами, в головах у которых вообще нет никакой логики. А где нет логики – там бессвязность. Поэтому их произведения не могут иметь ровно никакого философского значения.

Подчеркивая важность правил логики для науки, русский философ отмечает, что «как бы хороши ни были правила и как бы усердно ни старались мы соблюдать их, все-таки мы остаемся существами, все способности которых ограничены, ограничена и способность избегать ошибок» [2, с. 498]. Помочь в развитии этой способности может правильный метод как совокупность определенных принципов «во всей логической полноте и последовательности». У кого, как замечает Чернышевский, эти принципы должным образом не уяснены, у того не только в головах сумбур, но и в делах чепуха.

В этой связи он указывает на важную роль принципов математики в развитии частных наук (особенно естествознания), подчеркивает значение теоретического метода исследования, обстоятельно рассматривает методологическую функцию философии как «теории решения самых общих вопросов науки». Рассмотрим эту функцию более подробно – тем более и по сей день остаются актуальными, на наш взгляд, слова Чернышевского о том, что «по непривычке к систематическому мышлению слишком многие люди слишком склонны не замечать смысл общих законов» [2, с. 179], на которые они неизбежно «нападают».

3. Роль философии в развитии науки и общества. Н. Г. Чернышевский называл философию «сводом, экстрактом всех частных наук», «теорией решения самых общих вопросов науки», подчеркивал необходимость глубокого уяснения общих философских принципов во всей их взаимосвязи.

Прежде всего он обращает внимание на важность «общего философского воззрения» для решения специальных проблем в той или иной науке, считает, что только *устранив все «философские недосмотры», можно «пробриться к истине», «истребить предубеждения»* по частным вопросам. Знание общих понятий и их логического развития он считал одним из важных условий для правильного взгляда на дело, а искажение или незнание этих понятий служит основной причиной заблуждений.

Однако при всей важности философских принципов, только с их помощью *нельзя прямо и непосредственно решать специально-научные вопросы*, ибо последние разрешаются все-таки «уже не с помощью логических наведений и выводов из общих мировых законов, а анализом фактов...» [2, с. 179], – при «участии», конечно, общих законов мира, непонимание, забвение или незнание которых наносит ощутимый вред науке, неизбежно ведет к заблуждениям.

Таким образом, нельзя преувеличивать значение «общих норм» (среди которых Н. Г. Чернышевский особо выделял закон отрицания отрицания), но и не следует отвергать их ввиду их абстрактности. *Он считал серьезным пороком недостаток философского образования*, ибо незнание, а тем более игнорирование общих философских понятий и принципов приводит не только к философской беспомощности, но и к ошибкам и заблуждениям в частных науках.

Русский мыслитель очень резко *выступал против «философских ослов»* – тех, кто, не зная философии и ее проблем, тем не менее пытаются философствовать, но делают это, разумеется, дилетантски, «вкривь и вкось», хотя и бывают нередко «дейтельными» и даже «великими» специалистами в своей узкой области. Поскольку они, по его словам, «ни уха, ни рыла» не смыслят в философии, то превращают великие философские учения в «идиотскую галиматью», «впадают в бессмыслицу», становятся невеждами, болтающими всякую философскую чепуху, отрицают научную истину.

Философские принципы, по мнению Н. Г. Чернышевского, играют большую роль для успешного развития не только естествознания, но и наук, имеющих «непосредственное значение для жизни» (история, политическая теория и т.п.), ибо уменьшают фальшивые понятия, которые мешают людям устроить свою общественную жизнь наилучшим образом.

Указывая на важное место в философском образовании материализма (особенно фейербаховского) и диалектики (особенно гегелевской), русский мыслитель отмечал, что оно должно сформировать привычку «к систематическому мышлению», привить интерес к пониманию «смысла общих законов». Но при этом философия должна быть представлена в такой *форме*, чтобы не возбуждать скуку, отвращение, а тем более, чтобы не «убить философскую любознательность».

Н. Г. Чернышевский считал *диалектический метод* эффективным предохранительным средством от субъективизма и односторонности в решениях как теоретических, так и практических вопросов. Без признания необходимости и ценности научно-философского мышления, без неустанного овладения им любая наука либо скатится к скудному эмпиризму, либо станет проповедовать «иллюзионизм». Истинный философский метод помогает конкретным наукам правильно осмыслить свои теоретические завоевания, наметить верные пути дальнейшего развития.

Н. Г. Чернышевский убежден, что философские вопросы должны повлиять на предстоящие неизбежные перемены, которые произойдут в русском и западноевропейском обществах. Прежде всего, *во-первых*, решение этих вопросов должно «обеспечить» *логичность и последовательность теоретических*

рассуждений о будущих социальных изменениях, ибо там, «где нет логики, там бессвязность», бестолковость в мыслях, а также в житейских и общественных делах.

Во-вторых, у той «благородной части сословий», которая ратует за справедливые перемены в обществе, должны иметься силы, чтобы применить к этому факту общие отвлеченные принципы.

В-третьих, существенный характер философских воззрений должен состоять в непоколебимой достоверности, исключаяющей всякую шаткость убеждений. Только мысли, приобретшие ясность и твердость нужны для преобразования общественной жизни.

В-четвертых, эти мысли должны как можно быстрее получить «распространение в массах», стать господствующим убеждением, постепенно и все глубже проникающим в разные слои населения, начиная с более развитых. Все «простолюдины» должны «ознакомиться с философскими воззрениями», соответствующими истине и их потребностям.

В-пятых, эти воззрения должны выражать «новое и в идеях и в жизни». Поэтому как «простолюдины», так и их учителя должны отказаться «от устарелых принципов», увидеть их «совершенную несостоятельность», не «смиряться перед рутинной».

В-шестых, нельзя «задерживаться устарелыми формами науки в анализе общественного положения и полезных для общества реформ. Когда придет такая пора, когда представители элементов, стремящихся теперь к преемственности западноевропейской жизни, будут являться уже непоколебимым в своих философских воззрениях, это будет признаком скорого торжества новых начал и в общественной жизни Западной Европы» [2, с. 182]. Этот вывод Н. Г. Чернышевский относил и к условиям России.

При всей важности теоретического знания, общих философских воззрений для «практического образа действий», нельзя забывать, что здесь в конечном итоге не сами по себе умозаключения, а прежде всего «интересы руководят людьми». Эти интересы в первую очередь определяются законами «самой важной из всех деятельностей – экономического производства». В этой связи русский мыслитель высказал целый ряд плодотворных идей о важной роли «материальной стороны» в человеческой жизни, о законах, управляющих «общественным бытом». Исходя из того, что «материальная сторона (экономический быт) имеет великую важность», он говорил «о материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений и в других высших сферах жизни...» [1, с. 351] – науке, искусству, политике, нравственности и т.п.

4. Необходимость связи науки и философии с жизнью. Определяя задачи науки и философии, Чернышевский менее всего был склонен замыкать их в рамках «чистого» знания. Преодоление схоластики, эклектики, других форм субъективизма возможно только тогда, когда науки, теоретические знания будут тесно связаны с реальной жизнью, станут служить решению практических вопросов. Проблема взаимосвязи теории (философской в том числе) и практики – одна из важнейших в работах Н. Г. Чернышевского, целый ряд сформулированных им по этой проблеме идей являются очень актуальными и в наши дни.

Прежде всего философ требует не отождествлять, а четко различать такие феномены, как «теоретическая сфера» («мысленная жизнь», «жизнь мысли») и «практическая сфера» («реальная жизнь», «жизнь действия»), «теоретические убеждения» и «практическую жизнь». Соответственно, нельзя смешивать «теоретические решения» с теми, которые «принадлежат практике». Однако, различая указанные сферы, не нужно забывать то обстоятельство, что, во-первых, теория и практика служат взаимным дополнением, а, во-вторых, «теория имеет очень сильное влияние на практику» [1, с. 351]. При этом Н. Г. Чернышевский подчеркивает, что каждое знание – не только естественнонаучное, но гуманитарное и философское – оказывает влияние на жизнь, но специфически. (Особую неприязнь вызывали у него «отвлеченные политические теории», за которыми не следовали никакие реформы и преобразования по улучшению «простонародного быта».)

Это влияние определяется прежде всего характером, качеством самой теории, которая должна быть правильной, верно отражать «живую действительность». Настоящий глубокий теоретик должен иметь широкий ум, мощный далекий взгляд, любить истину, сознавать вредность всякой лжи, ибо «теоретическая ложь непременно ведет к практическому вреду».

Важнейшим качеством теории, наличие которого позволяет ей влиять на практическую жизнь, является «предписательность». Теория, как полагал Н. Г. Чернышевский, должна не только описывать, но и предписывать, «давать готовые планы действий». Только идеи, «предписывающие что-нибудь делать», имеют практический характер, могут служить практике, оказывать эффективное воздействие на жизнь.

Идеи, имеющие практический характер, философ разделяет на два вида – по обширности своего применения. Одни – всеобщие принципы – применяются ко всякому данному случаю всегда и везде. Они определяют цель действия. Другие – не имеющие всеобщего характера – определяют конкретный метод исполнения задачи, способ действия, который зависит от многообразных, разнородных и изменяющихся обстоятельств [1, с. 351].

Рассматривая механизм влияния научных идей на жизнь, на ход практики, нужно различать два рода вопросов – теоретические и практические и соответственно: случаи теоретического непризнания и случаи неумения исполнять практические требования. Это позволяет понять, что не всегда наука сама по себе «виновата» в том, что не умеет внедрять ее «предписания». Поэтому можно сказать, что в ряде случаев претензии нужно предъявлять «уже не к науке, а только к практическому исполнению средств, указываемых наукой... во многих случаях у людей не достает еще средств для практического исполнения того, что указывает теория» [1, с. 195].

Само собой разумеется, что только те идеи могут давать «планы действия» и оказывать «влияние на жизнь», которые, будучи «выведены» из практической жизни, одновременно и проверены ею, «удостоверены» в их истинности. Решая этот вопрос, философ пришел к выводу о том, что «непреложным пробным

камнем» всякой теории является практическая деятельность людей. «Практика – великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли. Поэтому-то в науке ныне принята она существенным критерием всех спорных пунктов» [1, с. 185].

Чернышевский был убежден, что служить практическим целям и задачам, влияя на практическую жизнь должны и философские знания. Он полагал, что рассуждения о жизни много выигрывают в прочности и стойкости, если они возведены к общим философским принципам – материалистическим и диалектическим. Говоря о том, что философия всегда была и будет «дочерью эпохи нации», среди которой она возникает и развивается, русский мыслитель отмечал, что в ней находят вместе с тем выражение «общие стремления человечества». Нельзя забывать не только связи философских систем между собой, но также с духом времени, конкретными социальными условиями.

Н. Г. Чернышевский настойчиво подчеркивал, что в ходе истории, особенно во времена «разумного движения и борьбы, а не праздного застоя», выбор людьми позиции в практических и иных вопросах этого движения во многом зависит от «общего философского воззрения». Здесь видна попытка русского мыслителя выявить активную практическую функцию философии, которая является не только «родительницей истины», но и средством, орудием преобразования общества. Именно она позволяет исследовать материальные и нравственные условия человеческой жизни и экономические законы, управляющие общественным бытом, помогает обосновать необходимость перехода к прогрессивным общественным отношениям. Такая научная философия наиболее близка трудящимся, «простолюдным», ибо помогает им бороться против гнета и эксплуатации, уродующих и обесценивающих человека.

При этом мыслитель подчеркивал, что мало только объяснять и предвидеть общественные изменения. Главная задача состоит в том, чтобы «сознательно встретить события и управлять их ходом», т.е. всесторонне подготовиться к «встрече будущего», наступление которого неизбежно, ибо ход истории строго детерминирован и закономерен.

Список литературы

1. Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2 т. М., 1996. Т. 1.
2. Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2 т. М., 1996. Т. 2.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 2 т. М., 1975. Т. 1.

References

1. Chernyshevskiy N. G. *Sochineniya*: in 2 vol. Moscow, 1996, vol. 1.
2. Chernyshevskiy N. G. *Sochineniya*: in 2 vol. Moscow, 1996, vol. 2.
3. Gegel G. V. F. *Filosofiya religii*: V 2 T. M. 1975, vol. 1.

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЮДЕЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ А. Я. ГУРЕВИЧЕМ

Тихонова Валентина Львовна, ассистент, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, Г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: opera-15@mail.ru

В статье анализируется специфика подхода А. Я. Гуревича к исследованиям пространственно-временных представлений средневековых людей Западной Европы. Являясь продолжателем научно-исследовательской традиции французской школы «Анналов», отечественный исследователь ввел в научный оборот понятие «категории культуры», предложив теоретическое и эмпирическое обоснование концепции изучения менталитета людей средневековой эпохи посредством выявления базовых категорий их сознания. Это дает возможность адекватно понять разные сферы социальной жизни эпохи, а также объяснить особенность поведения людей исследуемой социокультурной среды. Подход А. Я. Гуревича по исследованию содержания категорий культуры основывается на выявлении целостной картины мира средневековых людей посредством обращения к изучению разнообразных факторов, влияющих на ментальность эпохи. Кроме того, целостная картина восприятия пространства и времени выстраивается в результате обращения исследователя к более ранним стадиям развития западноевропейской культуры, благодаря чему выявляются глубинные пласты сознания, влияющие на ментальность людей последующего периода (средневекового), а также с учетом взаимодействия особенностей мышления и мировоззрения образованной и безграмотной части населения.

Ключевые слова: категории культуры, ментальность, школа «Анналов», время, пространство, западноевропейская культура

THE SPECIFICITY OF SPATIOTEMPORAL REPRESENTATIONS OF THE MEDIEVAL PEOPLE OF WESTERN EUROPE BY A. Y. GUREVICH

Tikhonova Valentina L., Assistant, Astrakhan Stat University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: opera-15@mail.ru

The article analyzes the specifics of the spatiotemporal representations of the medieval people of Western Europe by A. Y. Gurevich. Being the successor of the research tradition of the French school of “annals”, a domestic researcher introduced into scientific use the term “categories of culture”, offering theoretical and empirical basis for the concept of studying the mentality of the people of the medieval era by identifying the basic categories of their consciousness. This gives you the ability to understand different areas of social life of the era, as well as to explain the characteristic behavior of the investigated socio-cultural environment. Approach A. Y. Gurevich research content categories culture is based on detecting a coherent picture of the world of